

МОВОЗНАВЧІ СТУДІЇ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ИСТОКИ РОССИЙСКОЙ ОНОМАСИОЛОГИИ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ НОМИНАЦИИ И ПРЕДИКАЦИИ

Олег Лещак
проф., д. філол. н.,
Університет Яна Кохановського в Кельцах, Польща

ABSTRACT

The paper is devoted to a methodological analysis of one of the key principles of the onomasiological conception: the problem of correlation between nomination and predication from the viewpoint of leading Russian onomasiologists A. Ufimtseva, E. Kubryakova, V. Telia, V. Gak, G. Kolshansky etc. The author points out to the internal methodological and conceptual contradictions in the conception proposed by this school and determines the confusion about the semantic problem of nominativity and predicativity of signs and the semiotic problem of their language or speech status as one of the main reasons for such contradictions.

Keywords: *onomasiology, nomination, predication, Moscow school, methodology.*

Стаття присвячена методологічному аналізу одного з ключових положень ономасіологічної концепції — проблемі співвідношення номінації і предикації в розумінні провідних російських ономасіологів О. Уфімцевої, О. Кубрякової, В. Телії, В. Гака, Г. Колшанського і ін. Автор вказує на внутрішні методологічні і концептуальні протиріччя концепції даної школи, визначаючи в якості однієї з основних причин змішування семантичної проблеми номінативності і предикативності знаків з семіотичною проблемою їх мовного чи мовленнєвого статусу.

Ключові слова: *ономасіологія, номінація, предикація, московська школа, методологія.*

Artykuł poświęcony jest analizie metodologicznej jednej z kluczowych kwestii koncepcji onomazjologicznej: problemowi korelacji między nominacją a predykacją z punktu widzenia wiodących rosyjskich onomazjologów A. Ufimtsewej, J. Kubriakowej, W. Telii, W. Gaka, G. Kołszanskiego i innych. Autor wskazuje na wewnętrzne sprzeczności metodologiczne w koncepcji

zaproponowanej przez szkołę moskiewską spowodowane przez pomylenie semantycznego problemu nominatywnego / predykatywnego charakterу знаków oraz semiotycznego problemu ich statusu językowego / mownego.

Słowa kluczowe: *onomazjologia, nominacja, predykcja, szkoła moskiewska, metodologia.*

Одной из наиболее перспективных дисциплин в языкознании является ономазиология, которую называют нередко также теорией номинации. Ее истоки непосредственно уходят в пражский функционализм, в частности, к научным взглядам Вилема Матезиуса и Милоша Докулила. В СССР пионерами этой дисциплины были две школы — курско-орловско-воронежская школа И. С. Торопцева (т.н. теория словопроизводства) и московская школа (А.А.Уфимцева, Е.С. Кубрякова, В. Н. Телия, В. Г. Гак и др.), во главе с Б. А. Серебренниковым. Эта вторая группа в силу своей столичной локализации фактически вытеснила провинциальных конкурентов и, начиная с 1977 года после выхода двухтомной коллективной монографии «Языковая номинация», ставшей знаковым событием в советском языкознании, на долгие годы стала фактическим монополистом в российской ономазиологии. Взгляды Торопцева были гораздо более близкими к Пражской школе, чем взгляды московской группы, которая пыталась трансформировать антропоцентрическую и функциональную по своему замыслу теорию номинации в раздел лексической семантики.

Данная работа посвящена методологическому анализу только одного из ряда ключевых положений концепции российских ономазиологов — проблеме соотношения номинации и предикации — с целью установления причин, почему этот проект не стал в России достойной альтернативой ни для традиционной семасиологии, ни для логической семантики, ни для когнитивизма. Ситуация, сложившаяся вокруг ономазиологии в России и на Украине, весьма странная. С одной стороны, можно встретить множество работ, использующих терминологическую номенклатуру ономазиологии (вроде *номинация, номинат, ономазиологическая категория, ономазиологический тип, мотивация, формант, ономазиологическая основа*), с другой, практически никто (за редкими исключениями) не только не пытается продолжить концепцию пражцев, но и не развивает те теоретические основания, которые создали авторы «Языковой номинации». Более того, роль Пражской школы всячески умаляется, вплоть до представления создателей ономазиологии чуть ли не продолжателями дела В.В.Виноградова: «В соответствии с традицией, намеченной В. В. Виноградовым, чешские ученые (Й. Вахек, Б. Гавранек, Й. М. Коржинек, В. Матезиус, В. Скаличка, Б. Трнка и др.), **внесшие заметный вклад в развитие ономазиологических концепций**, справедливо указали на тот факт, что в качестве единиц номинации следует рассматривать не только слова, но и некоторые типы сло-

восочетаний» (Столярова 2003). Напомню, что Матезиус умер в 1945, а все остальные названные Столяровой ученые были активными членами Пражского кружка уже в 20-30-е годы XX века, когда еще не существовало никакой «традиции, намеченной В. В. Виноградовым». К тому же стоило в ряд создателей ономазиологии поместить Милоша Докулила, ведь именно ему принадлежит ключевая роль в систематизации этой дисциплины.

Обратимся к истокам российской ономазиологии в ее московском варианте. Роли И. С. Торопцева в становлении ономазиологии я посвятил несколько статей (Лещак 1998а; Лещак 1998б).

В статье, открывающей двухтомник «Языковая номинация», авторы (Уфимцева и др. 1977) определяют ономазиологию как дисциплину, которая занимается номинативной функцией языка, и интерпретируют эту последнюю как функцию репрезентации, т.е. представления, при этом почти во всех статьях двухтомника активно используется традиционная для советского языкознания формулировка, что происходит она путем «отражения действительности» (там же: 13). Зададимся вопросом, что именно «репрезентирует» язык? Саму действительность или ее опытное понимание, т.е. картину мира как осознаваемое и неосознаваемое знание о действительности? При этом не менее существенным оказывается и то, какова темпоральная характеристика «репрезентируемого» объекта — статичная (панхроническая) или динамичная (диахроническая). Авторы проекта «Языковая номинация» в своем большинстве проводят четкое различие между языком и речью именно по принципу системной статики и волитивной динамики. Поэтому, говоря, что язык выполняет репрезентативную функцию через механизмы номинации, они, по идее, должны были отдавать себе отчет в том, что и действительность как динамическая форма бытия, и мышление как динамичная процедура порождения актуальной информации по определению семиотически может и должно представляться, вербализоваться не в языке, а в речи. При случае, конечно, можно задать вопрос: всякая ли репрезентативная функция автоматически является номинативной, или же есть и другие репрезентативные функции, например, предикативная. Разве предикативная, создавая предикативные единицы (высказывания), мы не «репрезентируем» свои мысли, интенции? Но, с другой стороны, разве в языке, в его системе знаков нет единиц, которые выражают мысли? А пословицы, поговорки, сентенции, прецедентные тексты? Все эти единицы никак нельзя вынести за пределы языка как лингвосемиотического кода. Они не создаются в речи по языковым моделям (как свободные словосочетания, предложения и тексты), а воспроизводятся в том или ином виде.

Рассмотрим подробнее эту проблему.

В вышеупомянутой статье находим следующую дистрибуцию номинативности и предикативности: «языковые номинативные знаки — слова и словосочетания и речевые (предикативные) знаки — фразы и

предложения — противостоят, дополняя друг друга, как две стороны диалектического целого — языка, соотносясь как виртуальное и актуализированное, как кодифицированное, наиндивидуальное и некодифицированное, индивидуальное, как воспроизводимое и создаваемое» (Уфимцева и др. 1977: 36).

Проанализируем данное положение. Итак, номинативные знаки — это слова и словосочетания, а речевые знаки (фразы и предложения) — это знаки предикативные. Логика подсказывает, что слово «номинативные» здесь употреблено как синоним слова «языковые», поскольку оно явно противопоставлено слову «речевые». Если «номинативное» — не речевое, оно автоматически должно считаться языковым. Можно вполне согласиться, что слова и словосочетания — не предикативны и, возможно, поэтому их можно предварительно определить как единицы, выполняющие номинативную функцию. Другой вопрос — языковые ли это знаки. Слова — несомненно языковые единицы, ведь в речи слова представлены отдельными словоформами. Сложнее со словосочетаниями. Если речь идет о воспроизводимых словосочетаниях — фразеологизмах и языковых клише (фразамах), — то они, без сомнения, являются языковыми знаками и одновременно их можно признать номинативными единицами: они называют понятия точно так же, как слова, и могут вместе со словами входить во всевозможные классы и системные синтагматические отношения, например, могут быть антонимами или синонимами слов. А это значит, что с точки зрения выполнения семиотической функции аналитические номинаты принципиально от слов не отличаются. Если же речь идет о т. н. свободных словосочетаниях, то это единицы производимые по языковым синтагматическим моделям, а не воспроизводимые, поэтому вряд ли они входят в систему языковых номинативных знаков. Однако не все так просто и с номинативным статусом свободных словосочетаний. Все зависит от их функции в речи. Если они входят в состав предложения, а не являются сами номинативными предложениями (т.е. не содержат в себе предикативность), то их роль может быть определена как номинативная. Но при сопоставлении с клише степень их номинативности существенно слабее, ср.: *письменный стол* (номинация разновидности стола) и *огромный дубовый стол* (номинация конкретного стола, сопряженная с его описанием: 'который сделан из дубовой древесины и, по мнению говорящего, намного больше по размеру по сравнению с обычным столом').

Напрашивается вопрос: если слова и фразеологизмы являются номинативными (= языковыми) знаками и при этом они являются «отражением действительности», то какую действительность отражают слова *ничто*, *чудо*, *желанный*, *приятно* или фразеологизмы *бить баклуши*, *белая ворона* или *сгущать краски*. Наверное не окружающую нас энергоматериальную действительность, а действительность нашей картины мира, т.е. психоинформационное состояние человека.

Намного труднее оценить вторую часть приведенной цитаты, ка-

сающуюся речевых, т.е. предикативных знаков. Не ясно, что имеется в виду под «фразой», которая при этом не является ни предложением, ни словосочетанием. Может быть, речь идет о высказываниях, не обладающих формальными показателями предикативности (вроде нечленяемых или эллиптических высказываний), как этот термин понимается в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (Светозарова 1990: 558-559), но тогда почему они названы предикативными единицами? Допускаю, что сам термин *предикативность* требует корректировки, например, распространения его на все самостоятельные в прагмасмысловом и формальном плане высказывания (в т.ч. и на нечленяемые или эллиптические). При таком подходе предикативность становится только одной из характеристик речевых или языковых единиц: не все речевые единицы предикативные (напр., словоформы и словосочетания в структуре предложения), не все предикативные единицы речевые. Таков статус пословиц, поговорок, сентенций, воспроизводимых высказываний (вроде *Как дела?* или *Который час?*) и прочих прецедентных высказываний, вроде цитат (*Таможня дает добро* или *Голова — предмет темный и испелованию не подлежит*), а также прецедентных текстов (молитв, гимнов, анекдотов и под.). Все они носят явно предикативный характер, но при этом представляют собой единицы лексикона большинства носителей современного русского языка, а значит — это языковые, а не собственно речевые единицы. При этом ни одна из предикативных единиц не «отражает» самой действительности. Всегда это только выражение чьей-то мысли (суждения или связной последовательности суждений).

Проблема номинативности — предикативности носит ярко выраженный семиотико-семантический характер, поскольку непосредственно касается формы означаемого — внеязыкового смысла. И ее нельзя смешивать с самим сущностным статусом семиотической функции, т.е. языковым (инвариантно-кодовым) или речевым (актуально-перформативным).

Может показаться, что рассматриваемая здесь проблема уже не актуальна, т.к. касается текста сорокалетней давности. Вот несколько более новых высказываний, касающихся номинативности — предикативности и семиотического характера языковой деятельности:

«С когнитивной функцией соотносится репрезентативная, или номинативная, референтная функция (способ обозначения предметов и явлений внешнего мира и сознания)» (Иванова 2006: 209), «На первом этапе описательного анализа из текста выделяются слова и предложения, т.е. номинативные и коммуникативные единицы языка. Выделение их не представляет в современном тексте трудностей, т.к. они выделяются графически» (там же, 238) — как видим, номинативность трактуется либо как функция языкового представления неких объектов (в т.ч. «предметов и явлений внешнего мира»), либо как речевая функция, выполняемая исключительно словами. Номинативность при этом противопоставлена не предикативности, а коммуникативности практически на том же

основании, что и в выше проанализированном тексте: номинативность свойство языка, коммуникативность — речи. Предикативность в работе Ивановой связывается с двумя явлениями — сказуемым и предложением в целом. Вопрос номинативного или коммуникативного статуса словосочетаний при этом не поднимается. Лишь в одном месте текста можно найти интересное замечание: «Свободное словосочетание тяготеет в аспекте знаковости к предложению, а устойчивое — к слову» (там же, 183). При этом нет никакого разъяснения сущности этого «тяготения».

У С.А. Заскоки (2009) ономазиология как «наука, занимающаяся теорией номинации» также однозначно привязывается непосредственно к действительности: «исследующая процесс называния, присвоения имен предметам и явлениям внешнего мира» (Заскока 2009: 102). По мысли Заскоки, понятие и мысль — это одно и то же (понятие определяется через мысль) и не имеет никакой корреляции с языковыми и речевыми единицами, поэтому «может быть выражено словом или его основой, словосочетанием и предложением» (там же, 105). А значит, с когнитивной, смысловой точки зрения вообще не может быть разницы между основами слов, словами, словосочетаниями и предложениями (если взять во внимание, что тексты представляют собой совокупность предложений, то в этот ряд можно включить и тексты). Не удивительно, что номинативность в данной работе противопоставляется не предикативности (т.е. трактуется не как когнитивно-семиотическая процедура), а коммуникативности (так, слова и словосочетания определяются как номинативные единицы, а предложение — как коммуникативная) (см. там же, 149-150). Возникает вопрос: имеет ли слово или словосочетание кроме собственно номинативного потенциала также потенциал коммуникативный. Если нет, то откуда берутся различные (особенно стилистически и дискурсивно ориентированные) наименования одних и тех же понятий? Все ли равно, назвать чье-то поведение *непродуманным*, *глупым*, *дурацким* или *идиотским*? И не зависит ли употребление этих номинатов от коммуникативной установки и дискурсивной ситуации?

Сходной логикой пользуется и В. Н. Немченко в работе 2008 года, где разделяет коммуникативные и номинативные единицы языка (судя по всему, понимая под термином «язык» всю языковую деятельность, без разделения на язык и речь): «Коммуникативные единицы языка способны самостоятельно передавать ту или иную информацию. Основной коммуникативной единицей языка считается предложение. Номинативные единицы языка обозначают отдельные предметы, понятия, представления, отношения и т. п. Такими единицами являются слова и словосочетания» (Немченко 2008: 64). Не сложно заметить, что проблема семиотического выражения (вербализации) некоторого участка картины мира или же некоторой мысли (т.е. проблема семиотизации некоторого когнитивного пространства) в обеих работах заменена проблемой разделения когнитивности и коммуникативности. Согласно такой логике, слова и словосочетания — это единицы языка, выполняющие

когнитивную функцию (т.е. функцию интрасубъектную, познавательную-выразительную), а предложения — функцию коммуникативную — интерсубъектную. Коммуникативность при этом понимается как способность языка реализоваться в речи. Алогизм такого понимания очевиден. Коммуникативность и когнитивность (а фактически — выразительность) языка могут и должны отделяться друг от друга, но не могут противопоставляться и, тем более, дистрибуироваться по различным единицам. Невозможно приписать когнитивность одним единицам, а коммуникативность — другим. Предложение или текст выполняют не только коммуникативную, но и когнитивную функции. При этом когнитивность предложения не может быть сведена к когнитивности используемых в нем слов и словосочетаний. Предложение выполняет обе функции — выразительную и коммуникативную одновременно и они не являются побочным эффектом использования слов (в виде словоформ) и словосочетаний. Содержание и смысл предложений *Вечер* или *Теплый вечер* не сводятся к значению словоформы *вечер* или значению словосочетания *теплый вечер*. Но важно даже не это. А то, что проблема содержания и смысла предложения (его локуции и иллокуции) не тождественна проблеме его коммуникативности (перлокуции). Можно сказать, что в определенном смысле лингвисты XXI века в вопросах установления сущности номинативности не только не пошли далее постулатов, заявленных в сборнике «Языковая номинация», но и существенно отошли от них в теоретическом аспекте (все рассмотренные работы носят академический характер и отражают т.н. «стандарт» лингвистической мысли).

Иногда современные авторы академических учебников привычно противопоставляют номинативность слов, словосочетаний и фразеологизмов коммуникативности предложений, но при этом коммуникативность понимают как «свойство предложения отражать некоторую конкретную ситуацию» (Гируцкий 2003: 139), т.е. фактически как предикацию, не видя явного логического противоречия в своих словах. Это свидетельствует о принципиальном непонимании отличия сущности семиотических функций (язык как потенция — речь как акт) и их семантической каузации (номинация как выражение знания — предикация как выражение актуального мышления).

Может появиться другое возражение: возможно, представленный здесь способ мышления характерен лишь для семасиологически ориентированных ученых, а современные ономазиологи мыслят вполне антропоцентрически и различают когнитивные установки (номинацию — предикацию) и семиотические функции (язык — речь). Обратимся к работам современных декларированных ономазиологов.

У Г. Н. Ягафаровой находим определение ономазиологии, идентичное с приведенным выше определением Заскоки: «наука ономазиология занимается теорией номинации, исследующей процесс называния, присвоения имен предметам и явлениям внешнего мира» (Ягафарова 2010: 174), более того, автор с полной уверенностью утверждает, что «Самой обоб-

щенной и корректной представляется отражательная теория значения, полностью построенная на ономасиологическом подходе» (там же, 179), из чего логически следует, что языковые единицы просто отражают сущность и свойства самих номинируемых объектов («предметов и явлений внешнего мира») и работа человеческого ума может быть оставлена без внимания. Показательно, что в списке литературы статьи, посвященной основным понятиям ономасиологии, лишь 2 позиции из 24 — это работы 2000 и 2008 года (одна из них не имеет непосредственного отношения к ономасиологии). Все остальные — работы 60-80 гг. XX века, что может свидетельствовать о состоянии ономасиологии в России XXI века.

Аналогичное, реалистское (хотя и несколько смягченное антропными факторами) понимание сущности актов номинации и предикации находим и в работе И. Столяровой: «В акте предикации фиксируются соответственно прагматической или познавательной установке говорящего предметы и процессы **в их реальных связях и отношениях**, причем величины, между которыми подобная связь устанавливается, разведены и обычно дифференцируются» (Столярова 2003).

Е. И. Косых, пытаясь решить проблему авторов «Языковой номинации», вообще не разделяет собственно номинативные и предикативные единицы, объединяя все виды вербализации внеязыковой мыслительной информации под понятием номинации (Косых 2016). Единственным качественно новым шагом, который она предпринимает, является ее последовательный антропоцентризм, хотя и ей случается использовать формулировки вроде «для вторичной номинации характерно два принципиально различных способа отображения действительности и отнесения смыслового содержания наименований к обозначаемым объектам» (там же). Это происходит обычно при реферировании работ «классиков», т.е. авторов все той же «Языковой номинации», которые она не решается подвергнуть критическому анализу.

Даже те ономасиологи, которые основывают теорию номинации на противопоставлении ее предикации, понимая под номинацией «создание не любых единиц языка, а только единиц, не обладающих предикативностью», и пытающиеся вывести «ономасиологию из плена коммуникативной парадигмы языкознания» (Горяев 2004: 49), продолжают противопоставлять номинативность коммуникативности, хотя это совершенно разноплановые семиотические функции: первая касается семантики, а вторая — прагматики.

Вернемся к истокам российской ономасиологии, т.е. к анализу текста двухтомника 1977 года. Обратимся к тем диадам, которыми авторы характеризуют отношение номинативных и предикативных единиц. Они отмечают, что эти единицы соотносятся как «виртуальное и актуализированное», «кодифицированное, наиндивидуальное и некодифицированное, индивидуальное» и как «воспроизводимое и создаваемое». Первая и последняя оппозиции вполне верны, если их применять к понятиям языковых и речевых единиц. Языковые единицы, действительно, должны

по определению быть виртуальными и потенциальными (т.к. они существуют в идиосинхронической по своей темпоральной сущности системе единиц), речевые же — всегда существуют в актуальном и конкретном потоке времени, в реальном речевом акте, создаваемом по моделям языка с использованием языковых знаков. Но столь ли применимы они к паре номинативные — предикативные единицы? Фразеологизм *бить баклуши* или языковое клише *имя существительное* — это устойчивые словосочетания, являющиеся языковыми знаками и выполняющие номинативную функцию. Но аналогичную функцию могут выполнять словосочетания *постоянно бездельничать* или *слово для называния предметов и явлений*, хотя эти последние явно созданы по определенным моделям грамматической и лексико-семантической сочетаемости как речевые знаки. Если же сравним два высказывания: *Угол, под которым некий предмет ударяет в некоторую поверхность, равен тому углу, под которым он отбивается от этой поверхности* и *Угол падения равен углу отражения*, окажется, что оба они носят ярко выраженный предикативный характер — это высказывания как знаки некоторых суждений, однако первое из них — создано по модели сложного предложения и является собственно речевым знаком, второе же воспроизведено из языковой памяти и носит все признаки языкового знака — прецедентного высказывания. А значит, оно столь же потенциально и виртуально, как и использованные в первом предложении слова или приведенные ранее фразеологизм или клише.

В том же двухтомнике В. Гак относит к номинативным средствам не только собственно лексические единицы, но и единицы синтаксические («если они выступают в своей значимой функции» (Гак 1977: 236)), различая два вида номинации — языковую и речевую (там же: 239). Выступать «в значимой функции», по Гаку, — это обозначать некоторые участки миропонимания. Эта процедура сопряжена процедуре выражения мысли. Это весьма важное положение, поскольку оно позволяет принципиально различить номинативные и предикативные процессы именно с прагматической точки зрения. Одно — вербализовать свою картину мира, другое — выразить свои интенции и/или коммуникативно воздействовать на сознание собеседника (адресата). Обе процедуры осуществляются в речи совместно, но это различные процедуры. При этом совершенно не важно, вербализуем ли мы картину мира при помощи уже наличных у нас в языке знаковых средств, или же делаем это впервые, образуя новую номинативную единицу. В обоих случаях процесс по сути тождествен. Качественно отличным от номинации является процесс выражения мысли в речевых формах, т.е. вербализации актуального интенционального состояния, которое можно условно определить термином *предикация*. Идея отнесения предложений к номинативным средствам требует более тщательного анализа. Можно однозначно согласиться с такой мыслью в двух ситуациях: когда предложение используется как оним (*Камо грядеши, Принесите мне голову*

Альфредо Гарсия; Иван Грозный убивает своего сына) или же когда оно используется в метаязыковой функции — как объект лингвистического анализа (напр., *Предложение «Я иду» — простое и нераспространенное*). Более сложны случаи полного (т.е. неусеченного) использования прецедентных высказываний. Здесь можно предположить несколько фаз номинативизации предикативной единицы. Полная номинативизация наступает в случае, когда прецедент откровенно цитируется: *Как гласит русская пословица: «Без труда не вытащишь рыбку из пруда»*. Этот способ употребления языковой и предикативной по сути единицы фактически сближается с метаязыковым. Более «мягкая» форма — это включение целостного прецедента в собственную речь, без маркирования цитирования: *Сам знаешь, что без труда не вытащишь рыбки из пруда*. В случае же «растворения» прецедента в собственной речи, сопряженного с его структурной или семантической деформацией, говорить о номинативности можно лишь условно: *Без упорного труда еще никому не удалось вытащить ни одной рыбки из пруда* или *Без пруда не вытащить и рыбки из него*. Понимаемая таким образом номинативность фактически отождествляется с понятием использования в речи языковых единиц — знакоупотреблением.

Рассмотрим оппозицию: «кодифицированное, наиндивидуальное — некодифицированное, индивидуальное». Здесь сведены фактически две различные оппозиции: кодифицированность номинативных знаков и некодифицированность речевых (предикативных, используя терминологию Уфимцевой и ее соавторов), а также наиндивидуальность первых и индивидуальность вторых. Термин «кодификация» здесь использован не совсем точно. Кодифицированной является языковая норма, языковой же узус — некодифицирован, что не делает узуальные номинативные знаки (*спинжак, колбасить*) кодифицированными. В то же время высказывание *Не желаете ли выпить кофе?* вполне соответствует литературной кодификации, хотя и не является номинативной единицей. Не исключено, что термин *кодифицированный* авторы использовали в прямом смысле, вытекающим из его внутренней формы, в смысле 'перенесен в код', но в этом смысле все пословицы, поговорки и подобные предикативные воспроизводимые единицы, хотя и не номинативны, тем не менее, представляют собой часть языкового кода.

Проблематично также различение номинативных и предикативных единиц по принципу индивидуальности — социализации. Во-первых, если кто-то использует какую-то единицу многократно в качестве названия какого-то объекта и при этом никто, кроме этого человека, такую единицу не использует, ее можно назвать индивидуальной, идиолектной или идиостилевой, но эта индивидуальность не лишает данную единицу номинативного характера. Во-вторых, если мы понимаем какое-то впервые услышанное нами высказывание, то разве оно не наиндивидуально, хоть и предикативно? Приписывание языку (и его единицам) социальности в противовес индивидуальности речи — это не что иное,

как плохо понятая мысль Соссюра о социальном предназначении и происхождении языка и индивидуальном порождении и функционировании речи. Язык и речь представляют собой функционально и прагматически неразделимое единство языковой деятельности (*langage*). По онтологической сущности и язык, и речь, и языковая деятельность в целом всегда только индивидуальны, по происхождению же (по причинам) и функционированию (по цели) они социальные. Внимательное прочтение «Заметок» Соссюра и его монографии «О двойственной сущности языковой деятельности» это вполне подтверждает (см. Saussure 2002).

Говорить о номинативных или предикативных единицах следует не в связи с проблемой языка и речи, а в связи с проблемой собственно речевых, а точнее — речемыслительных процедур обозначения языковыми средствами различного рода информации. При этом внимание сосредоточить следует не на самих номинативных или предикативных единицах, а именно на осуществляемых в речи процессах номинации и предикации. Чем же принципиально они отличаются?

Будучи функциями лингвосемиотическими, они отличаются тем, что вербализуют, т.е. объектом семиотизации. Это могут быть или понятия (реже — обобщенные представления), или суждения. Понятия представляют собой относительно дискретные, иерархически структурированные фрагменты когнитивной картины мира, своеобразные статичные «кванты информации». Суждения же — это волитивно-когитативные акты использования-порождения информации, динамические мыслительные процедуры. Отсюда, казалось бы, простой вывод: вербализация таких актов должна заканчиваться порождением или использованием единиц предикативных и называться предикацией, а вербализация статичных фрагментов картины мира — порождением или использованием номинативных знаков и называться номинацией.

Однако не все так однозначно. Иногда предикативная по объекту единица постепенно утрачивает свою внутреннюю смысловую актуальность и фиксируется в языке, отсылая к некоторой инвариантной максиме, становясь «полуноминативной» (например, паремия, афоризм, предложение), а иногда номинативная единица, актуализирующая в речи свою внутреннюю форму, фактически обретает живость семантической пропозиции, становясь «полупредикативной».

Нельзя исключить, конечно, и расширенное употребление самого термина «номинация», которое отодвигает рассматриваемую здесь проблему, но не снимает ее. Такую позицию отстаивал еще один автор программного даухтомника Г. В. Колшанский. В общей категории номинации он предлагал выделять три ее разновидности — лексическую (при помощи слов и словосочетаний), пропозитивную (при помощи предложений) и дискурсивную (при помощи текстов) (Колшанский 1977, с. 121). Точно так же В. Н. Телия в изданной тринадцать лет спустя академической энциклопедии по языкознанию подвела под понятие номинации все экспликативные акты, поскольку, как и Колшанский, выводила процесс

образования языковых единиц не из сферы человеческого опыта, а из самой «действительности». С точки зрения Телии, номинативная функция состоит в «назывании и вычленении фрагментов действительности» (именно в такой последовательности!) и в «формировании соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений» (Телия 1990: 336). Как можно и следует интерпретировать сказанное? Получается, что человек вычленяет фрагменты «действительности» не в процессе мыслительно-познавательной деятельности, а в ходе номинации, и делает это не в виде понятий, а в виде слов, словосочетаний или даже предложений, которые оказываются не знаками, а именно формой понятий. Откуда человек знает, что именно из пространственно-временного континуума своего опыта или из сплошной и целостной энергоматериальной действительности называть, а затем вычленять? Не совсем понятно, фрагменты действительности, которые он должен «вычленять», — это имманентные части самой действительности или же они являются уже результатами номинации? В первом случае все люди должны мыслить и номинировать действительность одинаково, во втором — они должны это делать в строгом соответствии с номинативными принципами своего языка и любой перевод или любая межъязыковая коммуникация должны быть изначально обречены на неудачу. Тем не менее, не оправдываются оба сценария. В каждой языковой культуре несколько иначе парцеллируется картина мира, что, однако, не мешает взаимопониманию между носителями различных языков и сравнительно успешной межкультурной коммуникации. Достаточно абстрагироваться от названий, от лингвальных форм (слов, словосочетаний и предложений) и сосредоточиться на самих понятиях и суждениях, иначе говоря, обсуждать не слова и способы высказываний, а понятия и проблемы.

В отнесении Телией и Колшанским к разряду номинативных единиц предложений в один ряд со словами, словосочетаниями и фразеологизмами есть еще один интересный момент, связанный с соотношением номинации и предикации (напомню, что в статье, открывающей двухтомник, предложения и фразы были исключены из этого разряда и были определены как предикативные единицы). В том же энциклопедическом словаре 1990 года еще один из авторов двухтомника 1977 года Ю. С. Степанов в статье «Предикация» отметил, что это «акт соединения независимых предметов мысли, выраженных самостоятельными словами (...) с целью отразить „положение дел“, событие, ситуацию действительности, акт создания пропозиции», принципиально отделенный как от номинации, так и от локации (Степанов 1990: 393). Предложение полностью отвечает всем требованиям к предикации. Отсюда вывод: либо, причисляя предложение к номинативным единицам и отождествляя языковое и номинативное, Телия и Колшанский предполагали возможность преобразования изначально предикативной речевой единицы в языковую, либо предикация в их трактовке — это частный случай

номинации. Второе явно противоречит рассуждениям Степанова, который, напомним, номинативные знаки («независимые предметы мысли, выраженные самостоятельными словами») рассматривал как составные предикативных пропозиций. Как бы то ни было, но самым простым объяснением неуспеха ономазиологии в российском языкознании может быть отсутствие у российских ономазиологов единой или хотя бы сколько нибудь согласованной концептуализации ключевых для нее понятий номинации и предикации.

Подводя итог этому довольно короткому и несколько поверхностному очерку истоков российской ономазиологии, следует с огорчением констатировать, что «первородный грех» этой дисциплины в российском языкознании заключался в том, что многие т.н. «ономазиологи» вместо последовательного различения когнитивных процедур концептуализации и мышления, а также семиотических процедур вербализации понятий (номинации) и суждений (предикации), пытались перенести проблему в область сущностного различения между знаками языка (кода) и речи (коммуникативно-экспрессивного акта).

В антропоцентрической перспективе ономазиология по широте охвата объекта может рассматриваться в трех ключах. Во-первых, ее можно рассматривать очень широко как теорию языковой экспрессии или репрезентации (т.е. как теорию вербализации информации). В этом случае ее никак нельзя отождествлять с теорией номинации. Не исключаю, что это слишком широкое использование данного термина, т.к. в этом смысле ономазиология — это просто порождающая лингвесемиотика (лингвистика активного субъекта). Так ее понимает, например, Косых (2016). Во-вторых, ее можно трактовать как теорию вербализации элементов картины мира и тогда она может определяться как теория производства языковых знаков, противопоставленная теории речепроизводства. Примерно так понимал ее Вилем Матезиус. Но можно эту дисциплину сузить еще более и свести лишь к теории номинации как процесса образования исключительно только номинативных единиц. В этом смысле ономазиология представляет собой объединение широко понимаемой лексикологии со словопроизводством и фразеопроизводством. Так ее трактовал один из пионеров данной дисциплины Милош Докулил, а также его российский последователь И.С. Торопцев.

Но как бы мы не понимали ономазиологию, исходными моментами ономазиологического анализа должны быть не «объективная действительность» и не сам знак как таковой, а когнитивная картина мира и мыслительная интенция человека. В ономазиологии мы никогда не задаем вопроса, что значит тот или иной знак. Если знак нам известен, то мы знаем, каково его значение, если же мы не знаем, что имел в виду наш собеседник, то не имеем права трактовать его сигналы как знаки, пока не поймем, о чем идет речь. Верными вопросами являются — как выразить то или иное понятие или ту или иную мысль (если мы отправители) или же зачем нашему адресанту нужна эта форма, что она должна

выразить (если мы получатели) (как вариант в последнем случае мог бы быть задан вопрос что я хотел бы сказать, если бы я создал такие сигналы в таких обстоятельствах). Только в таком случае ономастиология окажется однозначно отмежевана как от семасиологии, так и от когнитивной семантики.

ЛИТЕРАТУРА

Dokulil, M. Tvoření slov v češtině. Teorie odvozování slov. D. 1. Praha: Nakl. Československé akademie věd, 1962.

Saussure, F. de *Ecrits de linguistique générale*, Paris: Gallimard, 2002.

Гируцкий А.А. Введение в языкознание, Минск: ТетраСистемс, 2003.

Горяев, С. О. *Наречение и номинирование как проблема отношения ономастики и ономастиологии*, в: Ономастика и диалектная лексика. Сб. науч. тр., под ред. М. Э. Рут, Екатеринбург 2004, Вып. 5, с.49-55.

Заскока, С.А. Введение в языкознание, Москва: Приор-издат, 2009.

Иванова, Л. П. Курс лекций по общему языкознанию, Киев: Освита України, 2006.

Колшанский, Г. В. *Лингвогносеологические основы языковой номинации*, в: Б. А. Серебренников и А. А. Уфимцева (ред.), Языковая номинация. Общие вопросы, Москва: Наука, 1977, с.99-146.

Косых, Е. А. Русская ономастиология [Электронный ресурс]: учебное пособие. Барнаул: АлтГПУ, 2016, <http://www.library.altspu.ru/dc/pdf/kosih2.pdf> (10.01.2018).

Лещак, О. В. *Методологический гуманизм функциональной теории языка профессора И.С.Торопцева*, «Вестник Воронежского государственного университета». Серия 1. Гуманитарные науки, 1998, №1, с. 80-87.

Лещак, О. В. *Ономастиологічна теорія мови і мовлення професора І.С.Торопцева (спроба методологічного аналізу)*, в: Матеріали по руско-славянському языкознанию, Воронеж, 1998, Вып. 23, с. 53-76.

Немченко, В.П. Введение в языкознание, Москва: Дрофа 2008.

Светозарова, Н. Д. *Фраза*, в: В. Н. Ярцева (ред.), Лингвистический энциклопедический словарь, Москва: Советская энциклопедия, 1990, с. 558-559.

Степанов, Ю. С. *Предикация*, в: В. Н. Ярцева (ред.), Лингвистический энциклопедический словарь, Москва: Советская энциклопедия, 1990, с. 393-394.

Столярова, И. *Лингвокреативные механизмы словосложения (на материале номинативных комплексов в романе Джеймса Джойса „Улисс“)*: диссертация... кандидата филологических наук, Самара 2003, в: Джеймс Джойс, <http://2.james-joyce.ru/articles/lingvokreativnie-mehanizmu->

slovoslozheniya.htm (15.06.2018).

Телия, В. Н. *Номинация*, в: В. Н. Ярцева (ред.), *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва: Советская энциклопедия, 1990, с. 336-337.

Торопцев, И. С. Очерк русской ономазиологии (возникновение знаменательных лексических единиц). Дисс. .. доктора филол. наук, Ленинград: ЛГУ, 1970.

Торопцев, И. С. Словопроизводственная модель, Воронеж: ВГУ, 1980.

Уфимцева, А. А., Азнаурова, Э. С., Кубрякова, Е. С., Телия, В. Н. *Лингвистическая сущность и аспекты номинации*, в: Б. А. Серебренников и А. А. Уфимцева (ред.), *Языковая номинация. Общие вопросы*, Москва: Наука, 1977, с.7- 98.

Ягафарова, Г. Н. Основные ономазиологические понятия, «Вестник Челябинского государственного университета», 2010, № 13 (194), Филология. Искусствоведение. Вып. 43. с. 172–177.